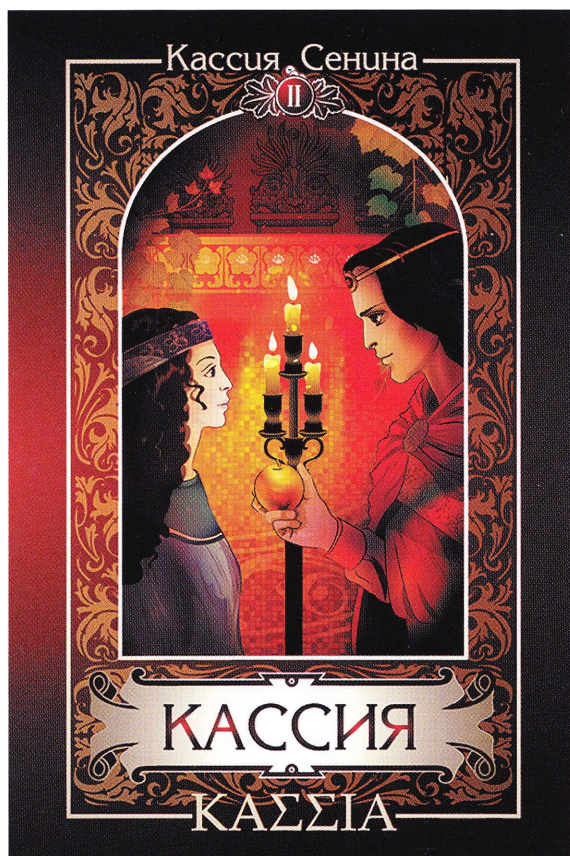

Критическая агиография в действии

Федор ПИРВИЦ

Кассия: [роман]. В 3 т. / Татьяна Сенина (монахиня Кассия). — М.: Memories, 2010

Несколько лет назад византист и гимнограф монахиня Кассия начала писать роман о триумфе иконопочитания в IX веке. Изначально роман задумывался как картина Торжества Православия и его исповедников над отвратительными еретиками в лучах антично-византийского гламурного декора. Через несколько лет исторических исследований,

сравнения хроник, житий и летописей картинка у монахини «поплыла», и книга выглядит далеко не так триумфально, как, может быть, хотелось бы иным благочестивцам. Но из песни слова не выкинешь.

Трехтомник «КАССИЯ» производит впечатление неоднозначное. Восхищение, недоумение. Первые двадцать страниц текста читателю приходится продираться через лес незнакомых названий и терминов, но потом все эти логофеты, протоспафарии и прочие хартофилаксы становятся своими и роман втягивает в свою воронку.

Удивила несусальная достоверность положительных персонажей, святых. Интуитивно чувствуется, например, что преподобный Феодор Студит именно таким и был. В какой-то момент «персонажи» оживают, становятся теми, с кем ты действительно можешь разговаривать. Я уже в первый день чтения романа стал на вечерней молитве поминать «о упокоении» Феофила... правда, потом он меня разочаровал, и я перестал.

«Кассия» — это совсем не «историческое фэнтези» и не «жития в переложении прозой». Это какой-то агиографический эпос. Местами совершенно шикарные диалоги, герои играют цитатами

из Гомера, Марка Аврелия, Песни Песней, Ареопажита, причем происходит это как-то само собой, когда Кассия цитирует Григория Богослова, то половина цитаты это аллюзия Богослова на пророка Исайю, и все эти намеки и аллюзии сталкиваются друг с другом, все колеблется полупросвечивающими слоями... просто пир какой-то!

Вот, например, диалог о любви:

...Как-то раз, когда Константин, рассеянный и не выспавшийся после очередной бурно проведенной ночи, явился на утренние занятия верховой ездой и стрельбой, Феофил, который собирался поупражняться в стрельбе из лука по искусно сделанному чучелу, изображавшему человека в настоящий рост, крикнул другу:

— Привет! Ты припозднился сегодня!

Константин подъехал и вместо приветствия громко продекламировал:

— «Гнев, богиня, воспой Ахиллеса, Пелеева сына»!

Он быстро натянул лук, прицелился и выстрелил, попав чучелу в горло.

— Это твой-то гнев «богиня, воспой»? — насмешливо спросил Феофил. — Кто

ж тебя так разгневал, другой? И откуда ты явился такой потрепанный?

— «На горе мужчинам посланы женщины в мир — участницы дел нехороших»!

— А, я так и думал!

Феофил отъехал и, разогнав коня, выстрелил на полном скаку. Его стрела вонзилась точно в древко стрелы Константина, расщепив ее по всей длине и вогнав наконечник глубоко в чучело. Константин, посмотрев вблизи, даже присвистнул. Феофил развернул коня и подъехал с улыбкой:

— Что, нравится?

— Стреляешь, как Парис! — ответил юный император.

— Что ж, это лучше, чем бегать за женщинами, как Парис! Ну скажи, о чем ты с ними разговариваешь? Они наверняка и Гомера-то не читали, не то что Гесиода...

— О чем? — Константин насмешливо поглядел на друга. — О любви, дорогой мой!

Они снова отъехали от чучела на расстояние выстрела.

— Но нельзя же все время говорить только о любви!

— Дружище, ты просто еще не знаешь, что такое любовь. Когда-нибудь ты поймешь, что о ней можно говорить бесконечно!

Константин прицелился и поразил чучело в левый глаз, нарисованный черной краской.

— Бесконечно, да, — усмехнулся Феофил, — в пределах нескольких недель, пока длится связь!

Выпущенная им стрела вонзилась в правый глаз чучела.

— Ну да, — без особого смущения ответил Константин. — Пока любовь длится, верны слова Откровения, что «времени больше не будет»... Ну вспомни Ареопагита — ведь земной эрос есть образ небесного! И Премудрый говорит: «крепка, как смерть, любовь». А когда смерть настает, так о другом и думать забудешь!

— «Крепка, как смерть»? Ты что, правда думаешь, что здесь сказано... об этом самом?

— А как же, конечно! Телесный смысл Писания! Там ведь перед этим как раз и говорится: «Возьму тебя,веду тебя в дом матери моей... Там ты научишь меня; напою тебя вином благовонным, от воды источников моих. Шуйца его под главою моею, и десница его обнимает меня...»

— Святые отцы запрещали толковать Песнь Песней буквально!

— Ха, известное дело — монахи! Что они в любви-то понимают? — лукаво улыбнулся Константин. — Спроси вон у нашего учителя, он тебе, верно, скажет, что любовь — это душевное расстройство или что-нибудь в таком роде... Аскеты! Да и потом, о Феофил, когда спускается ночная тьма, о любви уже не говорят, а занимаются кое-чем поинтереснее...

Очередной стрелой Константин попал чучелу точно в низ живота. Краска оказалась на щеках Феофила.

— Ну, если ты именно это считаешь самым интерес-

ным... Кому что, конечно, но все-таки это «Афродита пошлая»!

Он выстрелил чучелу в лоб и, прыгнув с коня, вытащил из ножен меч — по размерам как настоящий, но не заточенный и с тупым острием.

— «Афродита пошлая»? — Константин тоже спешился. — Опять Платон?

— Да, — Феофил улыбнулся и направился к расположенной неподалеку площадке, покрытой короткой мягкой травой. — «Эрот Афродиты пошлой поистине пошел и способен на что угодно; это как раз та любовь, которой любят люди ничтожные...»

— Прямо-таки «ничтожные»? — Константин тоже вынул меч и, слегка подкинув, ловко поймал за рукоять. — Суров же эллинский мудрец!

— Но все ж мудрец, не так ли? И дальше у него там: «Они любят своих любимых больше ради их тела, чем ради души, и любят они тех, кто поглупее, заботясь только о том, чтобы добиться своего, и не задумываясь, прекрасно ли это». Что, прямо в цель, да? — он рассмеялся, глядя на друга, и сделал выпад.

— Э-э... Ну в общем, — ответил Константин, отбиваясь, — оно где-то так... но где-то и не так... Ты просто не испытывал, а потому и не знаешь... Там, кажется, дальше про «Афродиту небесную»? Оно, конечно, красиво... Но ты пойми, Феофил, что небесная без пошлой не бывает!

— Зато пошлая без небесной — сколько угодно. Вот это мне и не нравится!..

И так далее.

Также очень выпукло подана запутанная проблематика иконоборческих споров. То, что раньше ассоциировалось с желтой бумагой дешевых репринтов с до-революционных изданий Святых Отцов, начинает связываться в осмысленный клубок. Это можно сравнить с преображением невзрачного камешка: если его опустить в воду, он начинает играть и переливаться.

Но не только это есть в романе. Поразительна сцена убийства императора Льва Армянина во время утрени. Еле успели до конца отмыть кровь в алтаре, как уже звучат богослужебные благословения убийце и его коронация. Или как еретик Иоанн Грамматик «сделал» в споре исповедника Феофана. Прямо страшно читать. Это не спор, а титаномахия какая-то.

В романе есть много забавностей. Чего стоят, например, сцены из юности Св. императрицы Феодоры, как она тайком от матери вместо проповедей Златоуста читала под одеялом стихи Сапфо и прочие «нечестивости». Со знанием дела автор сталкивается лбами студитов и преподобного Иоанникия Великого, мимоходом успевая коснуться огромного количества деталей византийского быта, едко отрецензировать хронику Георгия Амартола, рассказать об устройстве трона Императора, качестве образования, составе библиотек, монашеских уставах, античной философии и т. п.

Правда, я не стал бы всем и каждому рекомендовать сей роман к прочтению. Во-первых, некоторые суждения героев повествования достаточно провокационны, отдают некоторым снобизмом и мизогинией, возникает чувство, что автор

сознательно ограничивает целевую аудиторию своего романа. Во-вторых, для того чтобы оценить его плюсы, надо уже быть «в теме», знать, кто такие Исавры и VII Вселенский Собор.

Сама ткань повествования организована достаточно колюче, не всегда читателю будет комфортно. Иногда не хватает пауз, не чувствуется общего ритма. Возникает ощущение, что автор торопится вбить в 1000 страниц как можно больше содержания, оставляя за бортом голоса камней, реликвий и деревьев, которые просто «не поместились».

Главной удачей я бы назвал потрясающий образ Иоанна Грамматика. Некоторые его изречения достойны заучивания наизусть. От его поступков и слов «по ту сторону добра и зла» возникают ощущения внутреннего полета, какой-то опасной и пленяющей свободы...